

ВОПРОСЫ ГРУЗИНОВЕДЕНИЯ В РАБОТАХ АКАДЕМИКА И. А. ОРБЕЛИ

Иосиф Абгарович Орбели, как известно, окончил классическое отделение историко-филологического факультета и армяно-грузино-персидский разряд факультета восточных языков в Петербургском университете, после этого он посвятил себя востоковедению.

Прекрасно сочетавшиеся в молодом И. Орбели большие творческие дарования и организационные способности, прилежание и хорошее образование выработали в нем ученого широкого диапазона. Его перу принадлежат важные труды «по археологии, истории культуры, искусства, литературе народов Кавказа, Закавказья и Ближнего Востока»³. В его кавказоведческих работах главное место занимает арменистика, но также интересуют и вопросы истории культуры Грузии, многогранный ученый И. А. Орбели, исходя непосредственно из первоисточников (греческих, латинских, персидских, армянских, грузинских, курдских и т. д.), исследует также вопросы грузинской истории, искусства и филологии.

И. А. Орбели, еще студентом (май 1911 г.), выступил с интересной работой «Город близнецов *Διοσκουρίας* и племя возниц *Ίπποδοκῆς*», который автор рекомендовал себя как зрелый античник, способный убедительно разрешить один из запутанных вопросов грузинской истории.

Древние авторы—Страбон, Плиний Старший, Птоломей и другие—говорят о греческих колониях на восточном побережье Черного моря, в частности о *Διοσκουρία*, или о городе Диоскурии; однако их сведения о последнем лишены точности и даже противоречивы, так что исследователи не могли установить, где именно находился этот город. И. Орбели, исходя из того положения, что г. Сухуми древние грузины называли Цхуми, установил, что так же называлась и речка, текущая параллельно Кодору, далее она именовалась «Мармар, Цхузамели, Искурия», впадает она в море при мысе, носящем названия Исаур, Искурче, Искурия»⁴. Он установил местонахождение бывшего города Диоскурии и выявил «грубую ошибку, в которую впал Страбон». Кроме того Орбели же установил, что Севастополь (бывш. укрепление при г. Цхума) и Диоскурия это одно и то же, чего не знал Плиний»⁵.

Теперь оставалось непонятным, почему некоторые обитатели вблизи Трапезунта тоже называются древними авторами диоскурийцами?

И. Орбели выяснил, что в бассейне реки Имерхева (в области исторического Тайка) приток р. Чорох и определенная местность при нем называются Цхумура. Слово состоит из Цхум и грузинского суффикса -ур (+ а), обозначающего принадлежность, свойство и т. д. Следовательно, Цхумури (или «Чхумура) обозначает цхумский. Далее автор обращает внимание на то, что под именем цхумури «в древней Грузии была известна еще и серебряная монета, упоминающаяся в документе времен царя Давида Строителя (ум. 1125)»⁷. Здесь Орбели в примечании разъясняет: «Очевидно, либо эта «цхумская» монета чеканилась в Цхуме, либо она шла в Грузию через Цхум и была названа «цхумской» по месту, где ее впервые узнали грузины» (стр. 205, прим. 1).

¹ Доложено на научной сессии Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, посвященной 75-летию со дня рождения акад. И. А. Орбели (и второй годовщине его смерти), 20 марта 1962 г.; см. ж. «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, стр. 226.

³ Ж. «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 213.

⁴ «Журнал министерства народного просвещения» (см. далее ЖМНП) ч. XXIII, СПб. 1911, май, стр. 195—215.

⁵ Цит. ЖМНП, май 1911 г., стр. 201.

⁶ Там же, стр. 199—200.

⁷ Там же, стр. 205.

Тогда же автор работы указал, что названия Цхум, Цхумур имеют связь с названием Лечхум (Лечхум — район Западной Грузии) и что корни цхум, чхум — лазско-мегрельского происхождения; притом автор «чхум» разъяснил не так, как его другие толковали раньше (мегр. чху — корова, чхом — рыба), а отыскал его грузинское соответствие — ткуби, ткупи (tkip-, в лазском — ткуби и туби), означающее «близнецы», «двойной орешек»⁸, т. е. то же самое, что означает греч. Диоскурня, и молодой исследователь заключает: «слова $\theta\acute{\epsilon}\mu\tau$, $\theta\acute{\epsilon}\mu\tau$ означают близнецы, двойники. Следовательно, слово Сухум, точнее Цхум, почти вполне соответствует по смыслу греческому названию Диоскуриады и значит близнецы. Слово Лечхум означает страну близнецов, или область, где находится Чхум, близнецы. Слово Цхумур (а может быть, и Цхузамели) обозначает реку и местность близнецов»⁹. «Город Диоскуриада был расположен поблизости от нынешнего Сухума, около мыса Искурня, при устье речки Цхузамели»¹⁰.

Акад. Н. Я. Марр тогда же (1911 г.) одобрил это толкование Цхума, Лечхума, а позже писал, что эти слова, несомненно, имеют связь с груз. ткуп, ткуб. — «близнецы»; «Сухуми именно есть Диоскурня или Диоскуриада, как то доказывал Н. А. Орбели»¹¹.

С тех пор на исторических картах, исследованиях и учебниках по грузинской истории Цхум, Севастополь и Диоскурня отмечаются согласно локализации Н. А. Орбели, т. е. рядом или на месте Сухуми¹².

В том же исследовании Н. А. Орбели писал: Диоскуриада в представлении древних авторов был связан с народом хениохи $\chi\eta\iota\omicron\chi\omicron\iota$. Оно (название) для греков означало хениох-ов — двух возниц, спутников Кастора и Полидевка¹³.

Хениохи были известны и на южном побережье Черного моря, недалеко от Трапезунта, по соседству с Макронами¹⁴. Греки в туземном названии по созвучию с ним видели греч. форму $\chi\eta\iota\acute{o}\varsigma$, отбросив греческое окончание -os, получим $\chi\eta\iota\acute{o}$, где $\acute{o}$ — грузинское окончание, как и в словах мес-х, соме-х, ка-х, кол-х, тао-х, Джава-х, абас-х, абас-г, аб-х-аз и т. д.¹⁵.

Таким образом, хениохи, — заключает Н. А. Орбели, — правильное *хенихи, оказываются одним из сванских племен, селившимся, как и санны, и в окрестностях Диоскуриады, и в области Трапезунта¹⁶. К самим названиям хен, сен-саниги, греч. сан-и-гос, г-х, k(q), хен-и-к ($\chi\eta\iota\acute{o}\varsigma$) приобщает Н. Орбели $\chi\omicron\pi$, откуда название Они (ныне — район в Западной Грузии и название города) и г. Хони (недалеко от Кутаиси). В имени он (* $\chi\omicron\pi$) автор работы находит оправдание для названия племени «Возницы»¹⁷. И это его утверждение тоже было поддержано Н. Я. Марром¹⁸.

⁸ Там же, стр. 207.

⁹ Там же, стр. 208.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. Я. Марр. Абхазоведение и абхазы. «Избранные работы». Т. 5. М.—Л., 1935, стр. 176, или его же сб. «О языке и истории абхазов», М.—Л., 1938, стр. 243.

¹² Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Д. Джанашиа. История Грузии. ч. I (учебник). Тбилиси, 1946. Карта Грузии I—VI в., между стр. 80—81, 224—225, а также в учебнике той же истории Н. Бердзенишвили, В. Дондуа, М. Думбадзе, Г. Меликишвили, Ш. Месхия, П. Ратиани, Тбилиси, 1958 (на груз. яз.), см. карты. Ср. статью С. Г. Каухчишвили в газ. «Заря Востока» от 31 октября 1959 г.

¹³ Там же, стр. 210.

¹⁴ Там же, стр. 212.

¹⁵ Там же, стр. 213.

¹⁶ Там же, стр. 215.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. его «Из лингвистической поездки в Абхазию». «Известия АН», 1913, или его сб. «О языке и истории абхазов», 1938, стр. 74—83.

Правда, проф. П. Ушаков попытался племенное название *heinoxov* отождествить с иганнехами урартских клинописных надписей¹⁹, но вероятнее всего, что греческий перевод «Возницы» происходит от колхского *hōn*, *h-nnoh* так же, как греки грузинское название реки притока Риони — Цхеннсикали (букв. конская река, собственно — вода; ср. работа Н. А. Орбели, стр. 209) перевели на свой язык, и она у них называлась «*Ἰππος*» Иппос, или груз. Вардцixe (крепость недалеко от г. Кутанси), букв. «Крепость розы», греки называли Родополис и др.

Мы здесь уже не останавливаемся на исследованиях Н. Орбели по армянской эпиграфике, на его работах, посвященных бытовым изображениям на памятниках искусства древней Албании, Армении, Ирана, которые тоже имеют важное значение для исследователей грузинской истории; не задерживаемся даже на специальной статье ученого — «Грузинская бронзовая лампада с арабскими надписями»²⁰, а также на его исследовании: „*Simitose* в италийской надписи и *similago*“²¹, „*hAsan* Джелал, князь Хаченский“²² и др., остановимся лишь на его обобщенной работе „Грузинское искусство“ (1911 г.).

Статья «Грузинское искусство» неизвестного нам автора была напечатана раньше²³. После появилась статья Н. Орбели под тем же заглавием²⁴. Для нас оказалось достаточно сравнить одну с другой, чтобы воочию увидеть, какая огромная между ними разница, — как слишком слаба первая и сильна вторая. Автор второй статьи, т. е. Н. Орбели, перед нами предстает высоко эрудированным, с широким кругозором и знанием огромного фактического материала, умеющим четко в нем разбираться и дать ему же научную оценку и соответствующую квалификацию.

Здесь Н. А. Орбели историю грузинского искусства делит на два периода — языческий и христианский²⁵, их памятники прослеживает последовательно, начиная от бронзовой эпохи до современности, — памятники, находящиеся как на территории тогдашней Грузии, так и за ее пределами, даже в Иерусалиме — грузинском монастыре Креста.

Тогда Н. А. Орбели разделял и развивал положение своего учителя Н. Я. Марра, согласно которому в древней Армении более развилось зодчество (например, памятники Ани, Двина, Гарин, Звартноца, Вагаршапата...), а в древней Грузии — поэзия (Шавтели, Чахрухадзе, Руставели). В своих трудах Орбели, говоря о значении влияния армянского и персидского (эпохи Сасанидов) искусств на грузинское, пишет, что «грузинские храмы сохраняют в общем разделку фасадов, свойственную армянским»²⁶. Между тем эта разделка одинаково характеризует как армянское, так и грузинское зодчество. Н. Орбели прав, утверждая, что христианство сглаживало племенные различия, но неправилен вывод из этой мысли, что будто «христианское искусство Грузии тесно связано с ар-

¹⁹ Статья проф. П. Ушакова в ВДИ, 1946, № 2 и исследование М. Инадзе; А. Г. Гамкрелидзе и С. Г. Каухчишвили. Сведения византийских писателей о Грузии, т. I, Тбилиси, 1961, стр. 155 (на груз. яз.).

²⁰ Сб. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 283—292.

²¹ ЖМНП, 1908, декабрь, т. XVIII, стр. 521—531; ср. Н. Чубинашвили. Словарь грузинского языка с русским переводом, редакция и исследование А. А. Глоти, Тбилиси, 1961, стр. 487.

²² ИАН, 1909, стр. 405—496.

²³ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. 18 (IXA), СПб., 1898, стр. 178—191.

²⁴ Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XV (1913 г.), стр. 126—134.

²⁵ Впрочем, между ними нельзя провести резкую грань: например, в целом развитие грузинского искусства обоих этих периодов представляет более единый процесс, чем это замечал молодой Н. Орбели.

²⁶ Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XV, стр. 130.

мянским» (там же). Наоборот, оба они в отдельности — самобытные, имеют свою специфику при наличии лишь некоторых общих черт.

Академик Н. А. Орбели утверждал, что грузинскому зодчеству свойственны «великолепная кладка прекрасно отесанных плит», «грузинские росписи совершенно несправедливо упрекают в грубости и угловатости рисунка, в однотипности и в мрачности синеватого тона лиц», а что особенно важно, это — «Грузия может гордиться своими чеканными произведениями...»²⁷.

Оценивая работы Н. А. Орбели по грузинскому искусству, крупный специалист по истории предмета, чл.-корр. АН СССР, академик АН Грузинской ССР, проф. Ш. Я. Амيرانашвили пишет: «Первый систематический очерк древнегрузинского искусства составлен академиком Н. Орбели. Он представляет полную, критически проработанную сводку всей литературы о грузинском искусстве, дает много ценных замечаний о взаимоотношении грузинского и армянского искусства, главным образом в области архитектуры»²⁸.

Работы акад. Н. А. Орбели по важной отрасли грузиноведения — руставелологии — заслуживают специального обзора, но здесь мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями.

1. Н. А. Орбели был одним из общепризнанных руставелологов, изучавшим творчество Руставели в широком масштабе, — в тесной связи с историей культур народов Кавказа и Востока XII—XIII веков.

2. Орбели, будучи председателем Комитета по организации юбилея Шота Руставели в Москве и Ленинграде (1937), провел весьма важную работу, хотя обстоятельства не очень благоприятствовали этому.

Председателем названного Комитета в Москве был назначен в 1936 г. Александр (Алеша) Семенович Сванидзе (1886—1942). Он имел востоковедное образование, полученное в Германии (оттуда он вернулся в 1917 г.), и был автором некоторых востоковедческих и руставелологических работ. Это тот Алеша Сванидзе, трагическая судьба которого хорошо известна: он — старый большевик, был честным и скромным человеком, был внимателен к творческой работе советских ученых (Н. Я. Марра, И. Ю. Крачковского, И. И. Мещанинова, Н. А. Орбели, В. В. Струве и др.), пригласил в СССР передовых востоковедов Западной Европы (Леманн-Гаупт, Фридрих Грозный), организовал и ныне выходящий орган «Вестник древней истории»²⁹. А. С. Сванидзе всем сердцем взялся за проведение юбилея Руставели. Своим заместителем в Ленинграде избрал акад. Н. А. Орбели, а секретарем Комитета — автора настоящих строк. А. Сванидзе успел выпустить свою книгу «Историко-географические основы «Барсовой кожи» (Тбилиси, 1936, раньше она вышла на груз. языке), а под своей редакцией и со своими предисловиями — «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели в русском переводе К. Бальмонта (1936) и Г. Цагарели (1937); у него же, Сванидзе, набрались тексты книг, предназначенных для выпуска к юбилею, но перед юбилеем А. С. Сванидзе исчез... Даже при настоятельном вмешательстве Президиума АН нам не удалось получить материалы из редакторского портфеля А. Сванидзе, делам юбилея в АН угрожал срыв, но за них взялся Н. А. Орбели; под своей редакцией и с предисловием он сумел выпустить в начале 1938 г. поэму Руставели в переводе П. Петренко, сборник «Памятники эпохи Руставели» (в нем семь статей самого Н. Орбели), «Висрамнани» (роман XII в.) в изложениях и переводах с грузинского на русский язык Б. Т. Руденко и М. М. Дьяконова, «Народные предания о Руставели» автора этих строк, плакетку «Шота Руставели» (бронза, работа М. М. Герасимова). Н. Орбели же руководил устройством огромной

²⁷ Там же.

²⁸ Ш. Я. Амيرانашвили. История грузинского искусства, т. I, М., 1950, стр. 16.

²⁹ Подробнее см. нашу статью «Востоковед и руставелолог (к двадцатилетию смерти А. С. Сванидзе)». Ж. «Мнатоби», Тбилиси, 1962, № 8, стр. 163—168 и статью проф. М. А. Коростовцева в ВДН, 1962, № 2.

выставки эпохи Руставели в Государственном Эрмитаже, привлечшей многочисленных посетителей; в предъюбилейные и юбилейные дни он сам (Н. Орбели) поместил несколько статей в московских, ленинградских и тбилисских журналах и газетах о жизни и деятельности великого поэта, а также до двадцати раз выступал с докладами на те же темы в Ленинграде и Москве.

Н. А. Орбели — исследователь творчества Руставели — привлекает наше внимание прежде всего тем, что он правильно понимал не только творчество великого поэта, но и прекрасно знал его эпоху, историю и культуру тех народов, с которыми сталкивался Руставели.

Перу акад. Н. А. Орбели принадлежит важный очерк «Пушкин и грузинская литература»³⁰, с которым он со свойственным ему ораторским искусством выступил в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, 14 февраля 1937 г. Доклад произвел на присутствовавших огромное впечатление. Здесь Орбели заговорил опять о Руставели, о литературных вкусах древней (эпохи Руставели) и новой Грузии (эпохи Пушкина), сказал, что А. С. Пушкин приехал на Кавказ не как русский чиновник, не как русский офицер, а как русский человек — любивший народ³¹ и понимавший его чаяния. Пушкина радушно приняли кавказцы, особенно и «в первую очередь грузинский народ»³².

Н. Орбели правильно отмечает, что первые грузинские переводчики придавали стихам Пушкина национальный грузинский колорит, они «дали перевод, приближенный к обиходу Грузин»; эти переводы прозвучали для грузин как любимые стихи поэтов, но еще более интересными оказались последующие точные переводы. Н. Орбели дал характеристику грузинским переводчикам Пушкина: Сол. Размадзе (в альбоме Теймураза царевича, — Багратиони), Ал. Чавчавадзе (тесть Грибоедова), Раф. Гуриели, Г. Эристави, Мих. Туманишвили, Н. Бараташвили, Гр. и Вах. Орбелиани, Ил. Чавчавадзе, Ак. Церетели, молодого Н. Марра и др.; там же он, кстати, констатирует, что «Бараташвили является одним из наиболее одаренных грузинских поэтов, которые ввели Пушкина в обиход широких кругов»³³.

Вот так вдумчиво относился акад. Н. А. Орбели к грузинской литературе, и его работы в области истории грузинской литературы, в частности по руставелологии, имеют важное значение.

Кроме того, благодаря недюжинным организаторским способностям Н. А. Орбели юбилей Руставели в Москве и Ленинграде (конец 1937 г., начало 1938 г.) был проведен на высоком академическом уровне, хотя и, как мы сказали, в довольно-таки неблагоприятных условиях.

Следует заметить и то, что акад. Н. А. Орбели способствовал подготовке кадров по грузиноведению и повышению их научной квалификации, давал им отзывы и сам бывал официальным оппонентом ряда кандидатских и докторских диссертаций по грузинской истории, филологии и искусству. Н. А. Орбели представил в действительные члены Академии наук СССР выдающегося историка Грузии Н. А. Джавахишвили³⁴ и в члены-корреспонденты той же академии Ш. Я. Амиранашвили.

Все сказанное дает нам право заключить, что имя Носифа Абгаровича Орбели навсегда останется в истории руставелологии, и его, как кавказоведа, не забудут историки грузинской культуры.

Проф. И. МЕГРЕЛИДЗЕ (Тбилиси)

³⁰ См. сб. «Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина». Труды Пушкинской сессии Академии наук СССР, 1837—1937. М.—Л., 1938, стр. 203—218.

³¹ Там же, стр. 202, 204.

³² Там же, стр. 205.

³³ Там же, стр. 216.

³⁴ См. его статью «Блестящие ученые. Новые академики Н. А. Джавахишвили и А. А. Манандян». Газ. «Известия», 29 января 1939 г.